

ФЕТ В КРУГУ БОТКИНЫХ

Названная тема вполне достойна большой книги. В самом деле, еще на заре своего поэтического пути, в 1842 году, через год с небольшим после выхода в свет первого поэтического сборника «Лирический Пантеон», подписанного криптонимом «А. Ф.», Фет встретился в Василием Петровичем Боткиным, известным уже к тому времени критиком, другом Белинского, активным сотрудником популярного журнала «Отечественные записки». Именно благодаря Василию Петровичу никому не известный поэт начинает печататься в этом журнале. Исследователи не случайно называют Боткина «вторым крестным отцом таланта Фета».¹ В доме Василия Петровича Фет знакомится с блестящей плеядой московских литераторов: Герценом, Грановским и другими. А в январе 1857 года появляется программная статья Боткина «Стихотворения А. А. Фета», которую уже современники назвали «поэтическим катехизисом поэзии» (Л. Толстой).² Хотя статья выходила далеко за пределы рядовой рецензии на очередной поэтический сборник и действительно носила общеэстетический характер, не следует забывать, что имя Фета в ней было поставлено в один ряд с именами величайших поэтов — Пушкина и Лермонтова.³

¹ *Фет/Боткин*. С. 156. Первым «крестным отцом» Фета Ю. П. Благоволина не без основания называет Ап. А. Григорьева, хотя с не меньшим основанием можно было бы назвать и имя профессора С. П. Шевырева, с чрезвычайным вниманием отнесшегося к первым стихотворным опытам своего студента и способствовавшего продвижению их в печать. Об этом сам Фет с благодарностью вспоминал позднее в своих мемуарах (см.: *ПГ*. С. 209—210).

² См. письмо Л. Н. Толстого к В. П. Боткину от 20 января 1857 г.: *Толстой*. Т. 60. С. 217.

³ «Со времени Пушкина и Лермонтова мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета. Скажем более, по лиризму

Сохранившаяся переписка Фета с В. П. Боткиным, сравнительно недавно полностью опубликованная в «Литературном наследстве», свидетельствует о подлинной дружбе, которая связывала двух литераторов.⁴ Следует ли удивляться, что на смерть друга поэт отозвался стихотворением:

**ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА
16-го октября 1869 года**

Прости! Разверстая могила
Тебя отдаст родной земле;
Скажи: что смерть изобразила
На этом вдумчивом челе?
Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной,
Чему всю жизнь не изменил?
Ужель сказал: за вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, нет в мире боле
Ни светлых дум, ни вещей муз.
Нет! Покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
Трем старшим музам завещал.⁵

Включая впоследствии в качестве заключительного это стихотворение в третий выпуск «Вечерних огней» (1888), последние строки Фет счел нужным снабдить примечанием: «Завещал капитал университету, консерватории и школе живописи». Боткин действительно завещал часть своего капитала Московской и Петербургской консерваториям, филологическому факультету Московского университета (в котором была учреждена стипендия его имени), нескольким художественным музеям и Художественному обществу. Значительные суммы он оставил своим родным, в том числе сестре Марии и Фету.

Судьбе было угодно сделать В. П. Боткина не только близким другом и единомышленником Фета, но и его ближайшим родственником.

чувства его можно поставить наряду с первоклассными поэтами» (*Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 212).

⁴ См.: *Фет/Боткин*.

⁵ *Фет. ССUII*. Т. 5. Кн. 1. С. 250.

В. П. Боткин. Портрет работы К. А. Горбунова
(акварель, карандаш, белила). 1840-е гг.

В 1857 году поэт знакомится с младшей сестрой братьев Боткиных Марией и влюбляется в нее. Хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома альбом Марии Петровны Боткиной содержит драгоценный автограф Фета — стихотворение «Победа! Безоружна злоба...». Дата под ним: 8 апреля 1857 года. Это был первый день Святой недели после Пасхи, именно тогда, будучи приглашенным в дом Боткиных, Фет вписал в альбом Марии Петровны это признание в любви.

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встает из гроба, —

Чело огнем озарено. —
Все что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к Вам лечу,
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвеньё
Сегодня верить не хочю.⁶

Фет так и не решился включить это стихотворение ни в один из своих поэтических сборников, оно вышло лишь после смерти обоих супругов в первом посмертном издании сочинений, подготовленном Н. Н. Страховым и великим князем Константином Константиновичем (1894), под заглавием «В альбом Марье Петровне Боткиной. Светлое Воскресенье»⁷ (в рабочей тетради оно имеет более точное заглавие: «В альбом. В первый день Пасхи», поскольку в 1857 году Пасха приходилась на 7 апреля). Та же судьба выпала на долю стихотворения «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»), помеченного 15 мая 1857 года, которое тоже было обращено к М. П. Боткиной.⁸ Еще одно стихотворение — сохранившееся в виде дарственной надписи на переплетенных трех первых выпусках «Вечерних огней» — было обращено к жене и при жизни Фета не публиковалось. Надпись говорит о многом:

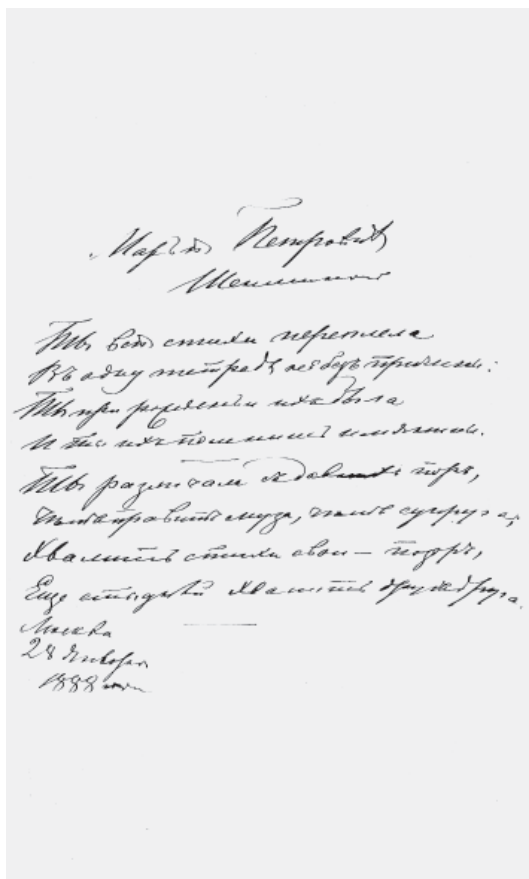
МАРЬЕ ПЕТРОВНЕ ШЕНШИНОЙ

Ты все стихи переплела
В одну тетрадь не без причины:
Ты при рожденьи их была
И ты их помнишь именины.

⁶ Цит. по: *ИРЛИ*. № 24535. Л. 64 об.; воспроизведение автографа см.: *ФетСб(3)*. С. 343. Ср.: *Фет. ССцП*. Т. 1. С. 364. В рабочей тетради Фета сохранился еще один автограф этого стихотворения с заголовком «В альбом. В первый день Пасхи» (*ИРЛИ*. № 14166. Л. 67); см. воспроизведение автографа в наст. томе на вклейке.

⁷ *ЛСм1894*. Ч. 2. С. 239.

⁸ Это стихотворение не вошло даже в первое посмертное собрание стихотворений 1894 г., которое готовилось при участии вдовы поэта, она было опубликовано лишь в 1901 г. в издании Б. В. Никольского (Т. 1. С. 301). См.: *Фет. ССцП*. Т. 1. С. 365–366; Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; вступит. ст. И. А. Кузьминой // *ФетСб(3)*. С. 374, здесь же на с. 375 — воспроизведение автографа.

Дарственная надпись Фета жене «Ты все стихи переплела...»
на конволюте, содержащем три первых выпуска «Вечерних огней»

Ты различала с давних пор,
Чем правит муза, чем супруга;
Хвалить стихи свои — позор,
Еще стыдней хвалить друга друга.

Москва
28 января
1888 года.⁹

⁹ Впервые стихотворение было опубликовано: *ЛСм*1894. Ч. 2. С. 287. См. также: *Фет. СС*II. Т. 5. Кн. 2. С. 144. Здесь стихотворение опубликовано по автографу, цифровая копия которого любезно предоставлена Е. А. Пономаревой. Поначалу Фет, очевидно, собирался включить это посвящение в Полное собрание стихотво-

Уцелевший конволют с дарственной надписью ныне находится в Москве, в Государственном музее А. С. Пушкина, в составе библиотеки И. Н. Розанова. Однако между первым и последним стихотворениями, обращенными к Марии Петровне, было немало других. Они могли бы составить целый цикл, если бы у кого-то появилось желание выделить в него стихотворения, посвященные невесте, а затем жене Фета.¹⁰

Фет и Мария Петровна не были юными, когда встретились и полюбили друг друга (ему было 36 лет, ей — 29), у обоих за плечами были непростые жизненные коллизии, но искренность чувств, завладевших поэтом и его будущей женой при встрече, не подлежит никакому сомнению. Сохранившиеся письма Фета к невесте, стихи, к ней обращенные, свидетельствуют о том, что в жизни обоих произошел коренной перелом. Накануне свадьбы Фет пишет В. П. Боткину: «Я так счастлив, что готов дома ломать, в груди 16 лет и каждый день стихотворение. Если б жизнь могла длиться при таких условиях, я молил бы у неба бессмертия».¹¹ В то же время Василий Петрович описывал брату состояние Марии Петровны: «На Машу письма Фета производят действие электричества, а сегодня от депеши она едва могла расписаться о получении ее и несколько минут не могла выговорить ни одного слова».¹² Счастливая супружеская жизнь оправдала сделанный когда-то выбор. Перед свадьбой Фет пишет стихотворение, которое посылает Марии Петровне:

Я был опять в саду твоём
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоём
Бродили, говорить не смея.

рений, которое готовил перед смертью, однако затем передумал. См.: *Лукина В. А.* К истории издания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) // *ФетСб(2)*. С. 761.

¹⁰ Впервые вопрос о цикле стихотворений, посвященных М. П. Боткиной, был поставлен Г. Д. Аслановой, опубликовавшей подборку писем Фета к невесте: 1) «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // *Новый мир*. 1997. № 5. С. 207; 2) «От тебя одной зависит мое полное счастье...»: Письма А. А. Фета к невесте // *Наше наследие*. 1999. № 49. С. 42—43, примеч. 9. Вслед за Г. Д. Аслановой о «боткинском» цикле стихотворений Фета говорит и Ю. П. Благоволина: *Фет/Боткин*. С. 158—159. Посвятившая этой теме статью И. А. Кузьмина насчитала 21 стихотворение только за период весны — лета 1857 г. (см.: *Кузьмина И. А.* О «боткинском» периоде в творчестве Фета (весна — лето 1857 года) // *ФетСб(3)*. С. 166—172).

¹¹ *Фет/Боткин*. С. 192. Письмо от 18 (30) мая 1857 г.

¹² Цит. по: *Асланова Г. Д.* «От тебя одной зависит мое полное счастье...». С. 52, примеч. 3. Письмо к Д. П. Боткину от 7 августа 1857 г.

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени,
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильнее благоуханье,
Зато какая тишина!
Какое томное молчанье!

Но отчего у той скамьи,
Где ты в последний раз сидела,
Все силы дрогнули мои,
И птичка сладостно запела.¹³

Шаферами на свадьбе, состоявшейся в Париже 16 августа н. ст. 1857 года, со стороны невесты были Иван Сергеевич Тургенев и ее брат Василий Петрович Боткин, со стороны жениха — Юлий Масс и брат невесты Николай Петрович Боткин.¹⁴ Новобрачные были счастливы. Спустя несколько месяцев после свадьбы в одном из писем к брату Василию Мария Петровна писала: «Я так, Basil, привыкла к своей тихой и мирной жизни, день у нас идет порядком, помогаю Фету насколько могу, читаю, играю и работаю и, верите ли, считаю себя самой счастливейшей и богатой женщиной, и дома мне никогда не бывает скучно, если даже остаюсь одна. Я даже боюсь за свое счастье».¹⁵

С давних пор закрепилось расхожее мнение, что Фет женился не по любви, а по расчету, да и Марии Петровне, мол, деваться было некуда. Даже в книге известного литературоведа Б. Ф. Егорова, специально посвященной Боткиным, где Марии Петровне уделено полторы страницы, приходится читать все те же досужие сплетни, что еще при жизни преследовали поэта и его жену.¹⁶ Можно поверить, что исследо-

¹³ Приводим раннюю редакцию стихотворения по автографу из письма Фета к М. П. Боткиной от 8 (20) июня 1857 г. (см.: Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года). С. 389). В поздней редакции последняя строфа звучит иначе: «Один зарею соловей, / Таясь во мраке, робко свищет, / И под навесами ветвей / Напрасно взор кого-то ищет» (*Фет. ССулП.* Т. 1. С. 303).

¹⁴ Сведения взяты из записи в парижской метрической книге в графе «Кто были поручители» (воспроизведение этой страницы, копию которой любезно предоставила Г. Д. Асланова, см.: *ФетСб(З)*. С. 362—363). Никаких сведений о том, что на свадьбе присутствовал Д. П. Боткин, как утверждает Б. Ф. Егоров (*Егоров Б. Ф. Боткины*. СПб., 2004. С. 231), нет. К слову сказать, в подписи под групповой фотографией Боткиных, помещенной на вклейке, Дмитрий Петрович назван Владимиром, а Владимир — Дмитрием. В этой подписи мы насчитали шесть ошибок.

¹⁵ Цит. по: *Асланова Г. Д.* «Навстречу сердцем к Вам лечу». С. 208.

¹⁶ *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 230—231. Непонятно, на каком основании Б. Ф. Егоров решил, что Фет «прельстился» большим приданым Марии Петровны, называя

ватель не читал писем Фета к Марии Петровне, хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (хотя в своей книге он нередко ссылается на архивные материалы), но он просто обязан был ознакомиться с публикациями Г. Д. Аслановой в «Новом мире» и в «Нашем наследии», если уж взялся судить об отношениях поэта и его невесты, а потом и жены. К слову сказать, в своем исследовании истории знаменитого семейства Егоров как будто нарочито обходит Фета. А напрасно. Иначе он бы не допустил перепечатки стихотворения «Сегодня пир отрадный мы венчаем...», написанного Фетом ко дню серебряной свадьбы Дмитрия Петровича и Софьи Сергеевны Боткиных, как, «кажется, не известного исследователям творчества поэта». ¹⁷ Между тем это стихотворение вошло не только в трехтомник Б. В. Никольского 1901 года, ¹⁸ но и в основные издания «Большой серии» «Библиотеки поэта» 1937 и 1959 годов. ¹⁹

Фет не просто женился на одной из сестер Боткиных. Он вошел в эту семью и стал в ней своим человеком. Со многими из братьев и сестер Боткиных, а потом и с их детьми у него завязались близкие отношения. Большое число стихотворений, посвященных членам семьи Боткиных, свидетельствуют о том, что весь быт этого семейства, их интересы, их многообразная деятельность привлекали Фета, всегда стоявшего за прочные семейные отношения, за воспитание трудолюбия, за бережное отношение к искусству, которыми так славились многие представители Боткиных. Фет посвящал стихи и Боткиным,

цифру 100 000, будто бы данную за Марией братьями Боткиными (Там же). Из надежных источников известно, что приданое М. П. Боткиной составляло 35 000 рублей серебром, таково же было состояние Фета, о чем он писал и В. П. Боткину (см. об этом: *Асланова Г. Д.* «От тебя одной зависит мое полное счастье...». С. 41; Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года). С. 348—349), и позднее в своих воспоминаниях, где упомянул, что «покойный П. К. Боткин по принципу выдавал своим дочерям самое незначительное приданое» (*МВ*. Ч. 1. С. 191). По-видимому, называя цифру 100 000, исследователь забыл упомянуть, что имел в виду сумму в ассигнациях, а это примерно и соответствовало 35 000 рублей серебром, которые никак нельзя считать большим приданым. Не случайно В. П. Боткин писал брату Дмитрию из Парижа 5 сентября н. ст. 1857 г.: «Свадьбу отпраздновали мы как следует, и через несколько дней они собираются выехать и, вероятно, 12 сентября будут уже в Москве... Чем более думаю я об этом, тем более радуюсь за Машу. Иметь мужем такого добрейшего и хорошего человека, который взял ее не из денег, а по свободному влечению своего сердца — счастье редкое» (*ИРЛИ*. № 9029. Л. 96—96 об.).

¹⁷ *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 127—128.

¹⁸ *ПССМ1901*. Т. 2. С. 287—288.

¹⁹ *ПССМ1937*. С. 432—433; *ПССМ1959*. С. 529—530.

Семья Боткиных.

Фотография К. Бергнера. Москва, конец 1850-х гг.

В первом ряду (сидят слева направо): Петр, Н. К. Боткина, Сергей, Анна, Михаил. *Во втором ряду (слева направо):* Владимир, Павел, Дмитрий, С. П. Постников

и породнившимся с ними Щукиным, и родным Боткиных Постниковым. Одно их перечисление заняло бы немало времени. Остановимся лишь на некоторых.

Самой близкой из Боткиных, помимо Василия Петровича, оказалась для Фета семья Дмитрия Петровича, известного коллекционера западноевропейской живописи, председателя Московского общества любителей художеств. Сохранившаяся переписка говорит о глубоком

М. П. Боткина.
Портрет из альбома М. П. Боткиной. 1848 г.

взаимопонимании, о внимательном отношении друг к другу и готовности всегда прийти на помощь. Иногда письма принимали вид стихотворного послания, как, например, это, написанное новым хозяином Воробьевки вскоре после переезда:

Я с девятнадцатого — дома.
Жена вернулась в тот же день —
В восторге от ее приема.
Его описывать мне лень.

Хоть отдохнув в своей кровати,
На свет бодрее я гляжу,
Но все минувшей благодати
В здоровьи я не нахожу.

И бледно-розовые пятна,
Как возмутительный грешок,
Напоминают неопрятно
О прижиганиях кишок.

Вчера, подсланный лукаво,
Молчанов-fils у нас гостил
И я ему обдумав здраво —
В кредит пшеницу отпустил.

Ее и всей-то оказалось
Не больше тысячи и ста,
Так чтоб на месте подымалась
И забиралась без хвоста,

За четверть с 10 целковых,
Четвертачок я уступил.
В задаток тысячу всё новых
Кредитками я получил.

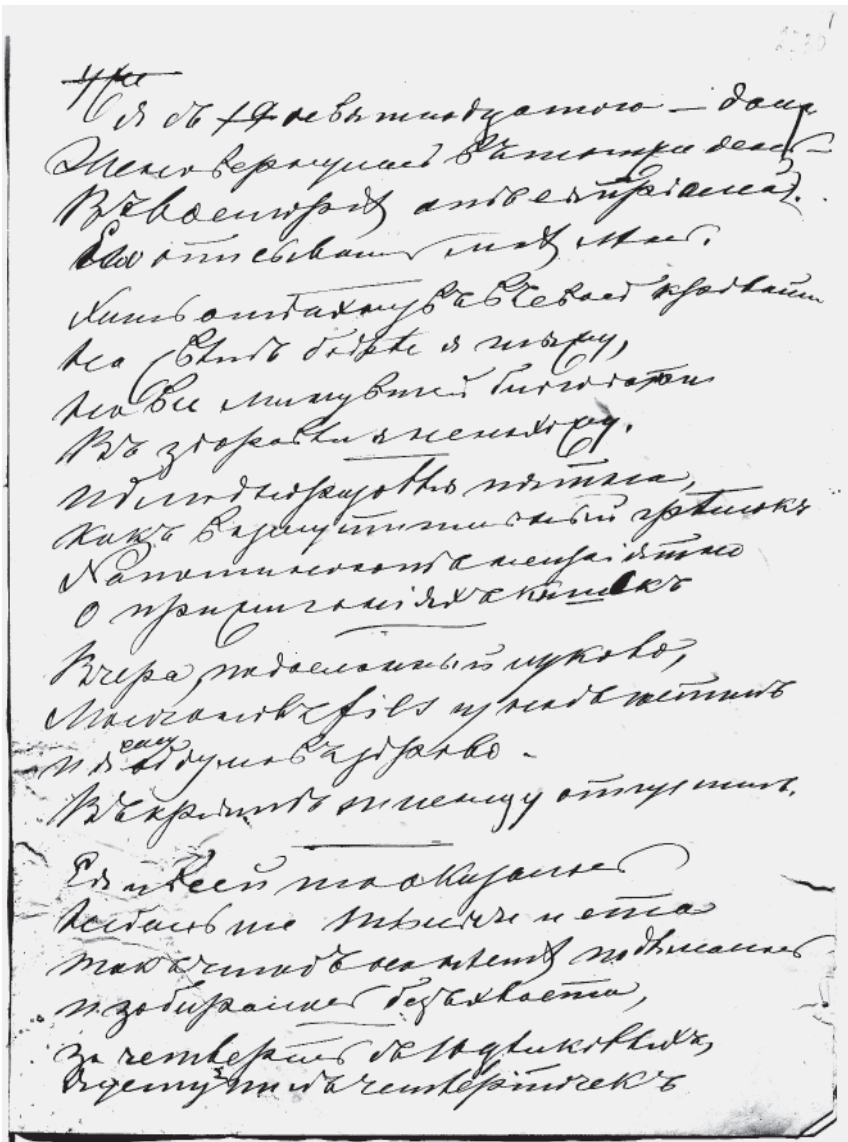
Затем сиди и жди: когда-то
Увидишь светлую зарю:
В двадцатом ноября уплата
2-х тысяч, трех же к январю.

А там опять он скажет: warte.
И уж последних тысяч пять
Двадцатого уплатит в марте.
На месте трудно продавать.

Как цену наперед узнаешь?
Пойдет ли в гору иль в отвал?
Найдешь барыш иль прогадаешь?
Подумал — да и подписал.

Вы как здоровьем? Хоть бы вновь я
Не услышал о серых днях.
Что детки? Всё ли так же Софья
Сергевна в вечных попыхах.

Признаться, самому до смерти
Мне надоели попыхи,

Стихотворение Фета «Я с девятнадцатого — дома...».
Черновой автограф. Первая страница

Стихотворение Фета «Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным.
В день двадцатипятилетия их свадьбы. 16 января 1884 года»
(«Сегодня пир отраднѣй мы венчаем...»)
Первая публикация на отдельном листке

Куда тебя ни сунут черти,
Весь свет исполнен чепухи.

Изволь расхлебывать. — Вот мельник
Пришел с расчетами за рожь,
А не подумает бездельник —
Как дорог мой и рубль и грош.

Ну чем я хуже Соломона
Степаньча, какой мудрец!
Примите наших два поклона
И с тем посланию конец.

И за ночлеги и грибочки
Перед хозяйкой спину гну,
Уж родились ж вы в сорочке,
Таковую отыскав жену.

<21 августа 1878>²⁰

Каких только сведений не извлечет внимательный читатель из этого шуточного послания! И об обстановке в боткинском доме на Покровке, где подолгу гостили Фет с женой, пока не обзавелись собственным домом на Плющихе, и о его гостеприимной хозяйке Софье Сергеевне (урожд. Мазуриной), и о ценах на хлеб, и о ближайших соседях, и даже о недавней операции, перенесенной Фетом (по поводу геморроя, которым он страдал всю жизнь). Конечно, подобного рода стихотворения не были предназначены для широкой публики, но многие другие, написанные по случаю каких-то событий в доме друзей, попадали в печать.

Так, уже упомянутое стихотворение, написанное на серебряную свадьбу Д. П. и С. С. Боткиных, было напечатано на отдельном листке и раздавалось гостям в день праздника. А стихотворение памяти Софьи Сергеевны («Ужель на вопль и зов молебный...») было включено не только в четвертый выпуск «Вечерних огней» (1891), но и в списки полного собрания стихотворений.²¹ То же относится к стихотворению, написанному на смерть сына Д. П. и С. С. Боткиных.²² Умершему от дифтерита в девятилетнем возрасте мальчику Фет посвятил два стихотворения. В четвертый выпуск «Вечерних огней» вошло стихотворение «На смерть М. Б—а»:

²⁰ Фет. ССчП. Т. 5. Кн. 2. С. 83—84.

²¹ Лукина В. А. Указ. соч. С. 759, 787.

²² Там же.

Тебя любили мы за резвость молодую,
За нежность милых слов...
Друг Митя! ты унес неожиданно в жизнь иную
Надежды стариков.

Уже слетел недуг, навеян злобным роком,
Твой пышный цвет сорвать;
Дитя! ты нам предстал тогда живым уроком,
Как жить и умирать.

Когда, теряясь, все удерживали слезы
Над мальчиком больным,
Блаженные свои и золотые грезы
Передавал ты им.

И перед смертию, живой исполнен ласки,
Ты взор обвел кругом
И тихо сам закрыл младенческие глазки,
Уснув последним сном...

15 декабря 1886.
Москва²³

Как писал Вл. Соловьев, «стихотворения на случай» могут иметь «чисто поэтическое достоинство, если только данный случай связывается поэтом с каким-нибудь мотивом общего значения», и в качестве образчика прекрасного, истинно поэтического стихотворения, вызванного частным случаем, — смертью близкого поэту мальчика», привел стихотворение на смерть Мити Боткина.²⁴

Другое стихотворение, посвященное Мите Боткину — шутивное, не было напечатано при жизни поэта. Очевидно, оно было послано в письме к родителям:

Митя крошка,
Понемножку
Поджидай,
Да с Покровки
К Воробьевке
Подъезжай.

Не упрямой
Сядешь с мамой
Ты в вагон,

²³ Фет. ССчП. Т. 5. Кн. 2. С. 18.

²⁴ Соловьев В. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Русское обозрение. 1890. № 12. С. 650.

А проснешься,
К нам взберешься
На балкон.

Будут розы,
Будут козы
Митю ждать,
Будет в гроте
Митю тетя
Целовать.

<Лето 1882 — лето 1886.
Воробьевка>²⁵

Родители ненадолго пережили сына. Они ушли из жизни один за другим в 1889 году. На смерть Софьи Сергеевны Фет откликнулся стихотворением «Памяти С. С. Б—ой»:

Ужель на вопль и зов молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
Семьи опять не озаришь?

Забыв и радости земные,
И милосердия дела,
Ты, покидая нас впервые,
За сыном отроком ушла.

Разлуки нет. Твой образ милый
Чрез жизнь мы в сердце пронесем,
И там за рубежом могилы
Навек обнять тебя придем.

7 марта 1889.
Москва²⁶

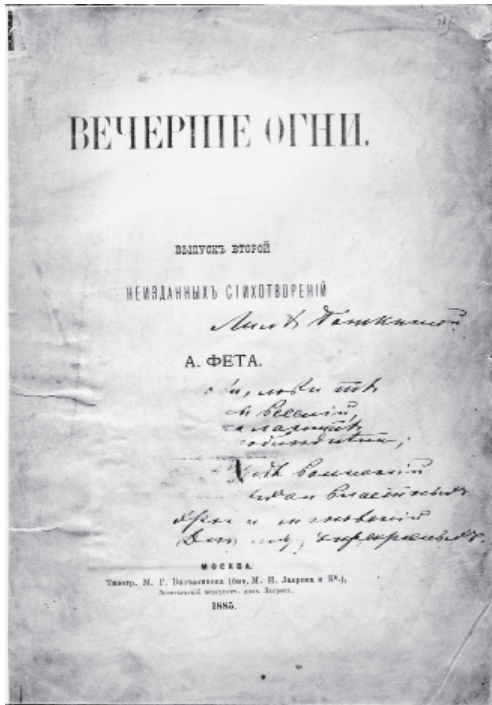
В апреле 1889 года Фет с женой приехали на свадьбу дочери Д. П. и С. С. Боткиных Елизаветы (Лили, как звали ее в семье) и инженера К. Г. Дункера в их имение Ново-Таволжанка Белгородского уезда Курской губернии. Это была не рядовая поездка. Фет с женой принимали живейшее участие в судьбе Елизаветы Дмитриевны, отличавшейся незаурядной красотой и образованностью.²⁷

²⁵ Фет. ССII. Т. 5. Кн. 2. С. 136.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Об отношениях Фета с Е. Д. Боткиной см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 291—298.

Елизавете Дмитриевне поэт посвятил несколько стихотворений. Вот какую полусутолившую-полусерьезную надпись сделал он пятнадцатилетней девушке на втором выпуске «Вечерних огней» (1885):

Сборник Фета «Вечерние огни» (М., 1885. Вып. 2).
Обложка с дарственной надписью Е. Д. Боткиной (Дункер)

ЛИЛЕ БОТКИНОЙ

Лови, лови ты,
Часы веселий,
Пока ланиты
Не поблѣднели;

Но средь волнений
Живых и властных
Храни мгновений
Для муз прекрасных.

<Конец 1884 — начало 1885>²⁸

²⁸ Фет. ССUII. Т. 5. Кн. 2. С. 120.

А такую трогательную надпись он сделал на третьем выпуске подаренных ей «Вечерних огней», включив впоследствии это стихотворение в четвертый выпуск:

Е. Д. Д—ъ

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука,
Муза раскроет и сердце, и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю,
Муза поведаст, что я за муки терплю.

17 января 1888.

Москва²⁹

На свадьбе любимой Лили поэту пришлось выступать и в роли тамады. Сохранилось поздравительное стихотворение на бракосочетание Е. Д. Дункер, которое поэт счел достойным включить в четвертый выпуск «Вечерних огней»:

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговя,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцвеченный кажет путь
И жениху, и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастья молодым
Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименея.

30 апреля 1889.

Село Таволжанка³⁰

²⁹ *Фет. ССцП.* Т. 5. Кн. 2. С. 23.

³⁰ Там же. С. 30.

Е. Д. Дункер (Боткина).
Портрет работы И. Е. Репина. 1882 г.

Еще одно стихотворение, обращенное к Е. Д. Дункер, уже замужней даме:

ЕЛИЗАВЕТЕ ДМИТРИЕВНЕ ДУНКЕР

**В день ее Ангела
22 октября 1891**

Их вместе видя и к тому же
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о муже
В день именин его жены?

Союз по правде идеальный,
И чудо ангел совершил:
Воды мытищенской кристальной
Струю в вино он превратил.³¹

После смерти обоих родителей Лили Фет с женой продолжали поддерживать отношения с семьей Дункеров. Вот что написал Фет на закате жизни своей любимой племяннице:

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это всё цветы, букашки и камня,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он.

29 мая 1891.
Воробьевка³²

Предваряя стихотворение, поэт признавался в письме от 24 июня 1891 года: «Мне отрадно верить Вашему к нам доброму расположению, объясняя его привычкою видеть наши лица с первого Вашего пробуждения в колыбели. Вы оба с дорогим Константином Густавовичем имели время заметить, что я считал Ваших родителей самыми близкими мне людьми <...> Как некоторое уяснение питаемого мною к Вам чувства прилагаю написанное на днях стихотворение».³³

Нельзя с уверенностью сказать, что все стихотворения, посвященные членам многочисленной семьи Боткиных, обнаружены. Дальнейшие исследования и публикации могут выявить неизвестные тексты, как, например, стихотворение на серебряную свадьбу П. И. и Н. А. Постниковых в альбоме Ивана Петровича Постникова в Государственном музее А. С. Пушкина.³⁴ Но и среди невыявленных адресатов известных стихотворений может оказаться кто-то из Боткиных. Приведем еще несколько стихотворений, посвященных членам семьи

³¹ Фет. ССUII. Т. 5. Кн. 2. С. 189.

³² Там же. С. 178.

³³ Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887–1892) / Публ. Г. Д. Аслановой. С. 311.

³⁴ См.: Фрумкина А. Неизвестное стихотворение А. А. Фета // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 127–128. Включено: Фет. ССUII. Т. 1. С. 374.

Боткиных, с которыми Фет к тому же состоял в постоянной переписке.

Одно из них обращено к Павлу Петровичу Боткину (1827—1885), брату М. П. Шеншиной. Выпускник юридического факультета Московского университета, Павел Петрович служил в Петербурге в Министерстве внутренних дел, после смерти отца вышел в отставку и какое-то время был петербургским представителем фирмы «Петра Боткина сыновья».

П. И. Щукин вспоминал о нем: «Павел Петрович, старый холостяк, был страстный любитель балета и оперы и поклонник прекрасного пола. Неуклюжий, ленивый, с бритым обрюзглым лицом, он напоминал католического священника. Однажды где-то в Испании его не пустили на бал, приняв за патера. Несмотря на свои ограниченные средства, Павел Петрович много тратил на подарки актрисам, что не мешало им водить его за нос. О своих неудачах с красивыми дамами он откровенно и наивно рассказывал. Например, попросит его какая-нибудь из них сопровождать ее на бал; Павел Петрович закажет букет, наймет карету и вместе с дамой поедет на бал. Но едва взойдут они в залу, как подбежит гвардейский офицер и уведет ее <...>». ³⁵ По свидетельствам современников, Павел Петрович не любил давать займы, называя себя нищим, обедал поочередно у родных, внося им за это плату. ³⁶ Сохранилось 16 писем П. П. Боткина к Фету и 2 письма Фета к нему (ИРЛИ).

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ БОТКИНУ

31-го марта 1879 г<ода>

Христос Воскресе! клик весенний.
Кому ж послать его в стихах,
Как не тому кто в дождь осенний
И в январе с цветком в руках?

Твои букеты вести мая,
Дань поклоненья красоте.
Ты их несешь, не забывая
О тяжком жизненном кресте.

Но ныне праздник искупленья,
Дни обновительных чудес,

³⁵ Щукин П. И. Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 12.

³⁶ См.: Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету / Публ. Н. М. Мендельсона // Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Сб. 2. С. 80.

Так будь здоров для поздравленья,
Твердя: Воистину Воскрес.³⁷

Отвечая на присланное поздравление, Боткин писал Фету 6 апреля 1879 года: «Простите, что вместо Ваших звучных стихов отвечаю Вам, полный благодарности, голою прозою. Благодарю от всей души за постоянно доброе и милое Ваше внимание ко мне, за поздравление и добрые желания. Боюсь только, чтобы от частых приношений роз и камелий карман мой не истощился и не пришлось бы подносить красоте крапиву или иную зелень. Впрочем, два века не проживешь. Послужил красоте на свой пай и благодаря добрым людям, питающим меня, не умер с голоду. Жизненный крест все так же несущи один, до сих пор не встречая Симона Киринейского, который бы помог понести его».³⁸

Несколько стихотворений посвятил Фет членам известной семьи Щукиных, породнившейся с Боткиными.

В ДЕНЬ СЕРЕБРЯНОЙ СВАДЬБЫ
Е<катерине> П<етровне> Щ<укиной>

Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный!
День торжества и праздничных одежд!
Тебе тот путь не страшен неизвестный,
Где столько меркнет радостных надежд.

Все взоры к ней, когда стыдом пылая
Под дымкою, в цветах и под венком,
Стоит она, невеста молодая,
Пред алтарем с избранным женихом.

Стоит она и радостна и сира —
Но он клялся, — он сердцем увлечен —
Поймет ли мир все скрытое от мира,
Весь подвиг долга и любви? А он? —

Он понял все, чем сердце человека
Гордится втайне. — Дайте мне фиал!
Воочию промчалась четверть века
И свадьбы день серебряной настал.

И близкий здесь — и тот перед родною,
Кого судьба умчала далеко;

³⁷ Фет. ССчП. Т. 5. Кн. 2. С. 88.

³⁸ ИРЛИ. № 20276. Л. 22—22 об. Недаром в одном из сохранившихся писем к Павлу П. Боткину Фет желает ему «доброго здоровья, букетов и балерин, легких на подъем» (Там же. Ф. 365. Оп. 1. № 69. Л. 2 об.).

Е. П. Боткина (Шукина).
Портрет из альбома М. П. Боткиной. 1840 г. (?)

У всех в глазах признательной слезою
Родимое сказалось молоко.

Судьба всего послала полной чашей.
Чего желать? Чего искать душой?
Дай Бог с четой серебряною нашей
Нам праздновать день свадьбы золотой.

<Конец января 1874>³⁹

³⁹ Фет. ССUII. Т. 5. Кн. 2. С. 74.

Екатерина Петровна Щукина (урожд. Боткина; 1824—1904), к которой обращено стихотворение, старшая сестра М. П. Шеншиной, была замужем за купцом 1-й гильдии Иваном Васильевичем Щукиным (1817—1890), известным коллекционером и меценатом, членом Московского коммерческого суда, а также одним из учредителей Московского учетного банка. С нею Мария Петровна была особенно дружна и сопровождала ее за границу на лечение, еще будучи невестой. Присутствовала Екатерина Петровна и на свадьбе Фетов в Париже. А в судьбе дочери Щукиных Ольги Фет сыграл даже решающую роль, уговорив родителей отдать ее замуж на своего управляющего Александра Ивановича Иоста.⁴⁰ Самой Ольге Фет посвятил несколько стихотворений.

ОЛЬГЕ ИВАНОВНЕ ЩУКИНОЙ

Спасибо Вам, мы вспоминаем
Ваш резвый смех, с умом живым.
Без Вас и май бы не был маем
И старый парк бы был иным.

И не перила лишь пещрилы
Вы разноцветной чередой,
А всю весну для нас увили
Вы лентой нежно-голубой.

Не только мы, я чай, Колдунья
Не раз вздохнет под седоком,
Зачем на мне не та летунья,
А этот неподъемный ком?

Adieu! Счастливо оставаться.
Июльский зной у нас настал
И хоть и лень за дело взяться,
Но Gartenlaube к Вам послал.

15 мая 1880.
Воробьевка⁴¹

Вот еще одно шутивное стихотворение, обращенное к тому же адресату:

1881 года 11 июля

Желаю Оле
Здоровья боле,

⁴⁰ См. об этом: *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ*. 2008. № 2. С. 131—144.

⁴¹ *Фет. ССчП*. Т. 5. Кн. 2. С. 101.

Чтоб жить ей доле,
Пока на воле,
А в брачной доле
У мужа в холе.⁴²

К ней же, ставшей уже замужней дамой:

О. И. ИОСТ

при получении вышитых туфель

Опять меня балуешь ты
И под искусною рукою
Опять узоры и цветы
Под быстрой расцвели иглою.

Как странно нисхожу во гроб,
Как я горжусь в конце дороги!
Чем старость злей мне бреет лоб,
Тем ты пышней мне красишь ноги.

*<23 февраля 1888>*⁴³

Сохранилось два шуточных стихотворения, обращенных к племяннице Марии Петровны Фет Анне Петровне Боткиной, дочери ее брата Петра.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ АНАНАСА

Анне Петровне Боткиной невесте

Хотя любовь препобедила
И торжества подводит час,
Она и к нам свой взор склонила
И не забыла Анна нас.

Там где царит метель и вьюга,
Где жизнь полна тоски и зла,
Твой ананас Эмблема юга,
Благоуханья и тепла.

Когда наступит день ненастный,
На сердце мрак и грусть падет,
Мы вспомним жребий твой прекрасный
И Анна нас тогда спасет.

*<5 февраля 1880>*⁴⁴

⁴² Там же. С. 105.

⁴³ Там же. С. 145.

⁴⁴ Там же. С. 96.

**А<ННЕ> П<ЕТРОВНЕ> Б<ОТКИНОЙ>
при получении апельсинов**

Вот спасибо, мой дружок.
Не забыла ветерана,
Будь сама как королек
И сладка ты и румяна.

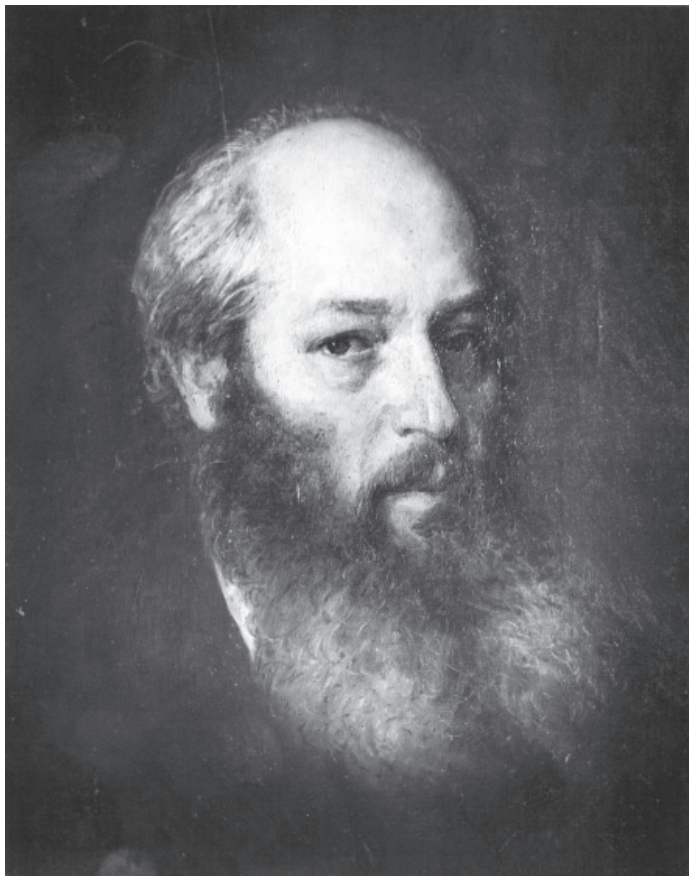
Свей гнездо хоть где-нибудь
За Невой, Москвой иль Вислой,
Только замужем не будь
Апельсин ты желтый, кислой.

<Между 5 и 11 февраля 1880>⁴⁵

Приведенные стихотворения относятся по преимуществу к тому роду стихотворений, которые принято называть «стихотворениями на случай». Среди них встречаются шуточные и торжественные, трагические и лирические. Нередко они показывают Фета с неожиданной стороны, как известного каламбуриста и остроумца, но все они искренние, фетовские. И в этом качестве они вписывают Боткиных не только в историю русского купечества, меценатства, коллекционерства, но и в историю русской поэзии. Нельзя не признать и другое: в многочисленной боткинской семье Фет встретил и гостеприимство, и понимание, и поддержку.

Когда-то, сделав предложение Марии Петровне Боткиной, Фет просил ее брата Василия Петровича как самого старшего в семье после смерти отца дать согласие на этот брак (таково было и желание невесты). Василий Петрович с радостью одобрил решение двух дорогих ему людей соединить свои судьбы. Его письмо к сестре от 10 июля н. ст. 1857 года сохранило нам выразительный портрет Фета: «Скажу откровенно: я считаю Фета очень добрым, прямодушным и во всех отношениях хорошим человеком; а вдобавок к этому он еще человек очень благоразумный <...>. На вид он неуклюжий — только, — но, в сущности, он человек с очень тонким чувством и верным умом. При всем этом Фет истинно благороден. <...> Правда, что Фет — человек не блестящий, но, всмотревшись в душу этого человека, увидишь там драгоценные свойства. Он умен, но по-своему, оригинально, можно сказать, самобытно умен, без фразы и без прикрас, без малейшей натянутости и лживости. Он прямодушен, деликатен и честен, — и на дне души его чисто и светло. Вот каким я знаю Фета, таким знают его и все литературные друзья его. После всего этого ты поймешь, как ра-

⁴⁵ Фет. ССЦП. Т. 5. Кн. 2. С. 96.

А. А. Фет.

Портрет работы М. П. Боткина (масло). Степановка, 1872 г.
Фотография С. Д. Боткина из альбома «Воробьевка»

достно подействовало на меня известие о его предложении. <...> Поверь, день вашей свадьбы будет для меня самым радостным днем моей жизни».⁴⁶

Не случайно именно члену семьи Боткиных — Михаилу Петровичу Боткину принадлежит лучший из всех донные известных портретов Фета. Портрет этот занимал почетное место, очевидно сначала в степановской, а потом (это подтверждается документально) и в воробьевской гостиной. Даже в черно-белой фотографической копии (сам

⁴⁶ Цит. по: Асланова Г. Д. «От тебя одной зависит мое полное счастье...». С. 42.

портрет, кажется, бесследно исчез) видно, как тонко и глубоко проник художник в суть творческой личности поэта: пронизательный взгляд уже далеко не молодого человека (Фету было немногим за 50, когда был написан портрет) не может скрыть трагического выражения лица и горькой складки губ, а высокий лоб выдает незаурядный ум и напряженную сосредоточенность мысли.

Когда-то Борис Садовской, известный своим «фетианством», написал статью «Фет в портретах», долго хранившуюся в архиве и лишь сравнительно недавно опубликованную С. В. Шумихиным в журнале «Наше наследие». Об этом портрете Садовской писал: «Около 1873 года, ко времени получения Фетом отцовской фамилии (Шеншин. — *Н. Г.*), М. П. Боткин написал масляными красками портрет зятя. Здесь, можно сказать, изображен полустарый Фет, не утративший еще особенностей зрелого возраста и не успевший превратиться в старика».⁴⁷ Точную дату создания портрета мы узнаем из письма Марии Петровны к С. А. Толстой от 18 сентября 1872 года из Степановки: «На днях брат Миша, проездом из Ливадии, прожил у нас 3 дня и написал отлично похожий портрет Фета».⁴⁸ И хотя Михаила Петровича Боткина нередко упрекали как художника в излишнем академизме, ничего похожего мы не видим в портрете Фета: свободный мазок, тонкий психологизм существенно отличают эту работу от гораздо менее интересного и гораздо более известного портрета Фета, написанного рукой такого мастера, как И. Е. Репин. Надо было не только знать, но и по-настоящему любить свою натуру, чтобы создать такой портрет, какой мы видим на фотографическом снимке, сделанном еще одним представителем младшего поколения Боткиных — сыном Дмитрия Петровича Сергеем Дмитриевичем, благодаря которому и сохранилось изображение этой мало известной работы академика М. П. Боткина.

⁴⁷ Садовской Б. Фет в портретах / Публ. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2008. № 85. С. 113. В статье Садовской не указывается местонахождение портрета, но очевидно, что он видел его, возможно, в собрании Н. Н. Черногоубова.

⁴⁸ Цит. по: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1, фронтиспис.